

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ВИЗАНТИИ И ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII В.

Diplomatic Contacts of Byzantium and Galician Principality in the Second Half of the XII Century

О. Б. Козачок (O. V. Kozachok)

аспирант III года обучения отдела истории Средних веков Института украиноведения имени Ивана Крипьякевича НАН Украины

Науч. рук. – д.и.н. В. С. Александрович

Рассмотрены упомянутые в византийских и русских источниках византийско-галицкие посольства второй половины XII в. Сделаны выводы, что византийско-галицкие дипломатические контакты были нерегулярными, их предопределяла внешнеполитическая ситуация и они были направлены на привлечение Галицкого княжества к поддержке Византии прежде всего в ее противостоянии с Венгрией.

Ключевые слова: *Византийская империя, Галицкое княжество, дипломатия, международные отношения.*

There have been considered in the paper the Byzantine-Galician embassies of the second half of the 12th century, mentioned in the Byzantine and Old Rus' sources. The research has led to the conclusions that Byzantine-Galician diplomatic contacts were irregular, predetermined by the foreign policy situation and were aiming to attract Galician Principality to support Byzantium primarily in the confrontation of the Empire with Hungary.

Keywords: *the Byzantine Empire, the Galician Principality, diplomacy, international relations.*

В XII в. Византия наиболее тесно поддерживала связь с Галицким княжеством. В историографии прослеживаются некоторые тенденции видения развития их отношений: 1) отношения империи с Киевом приходят в упадок, а с молодыми и мощным Галицким княжеством в течение всего XII в. развиваются в дружеском русле; 2) Галич становится союзником Константинополя против половцев.

Цель нашей статьи – охарактеризовать состояние дипломатических отношений между Византией и Галицким княжеством во второй половине XII в. и на основе сведений о дипломатических контактах выяснить мотивы византийско-галицких отношений. Это требует выполнения следующих задач: определить, когда и при каких условиях было положено начало византийско-галицких отношений, какие интересы подталкивали к союзу и как реализовывались взаимные договоренности.

Среди проблем изучения истории византийской дипломатии харьковский исследователь Константин Бардола назвал разные последствия использования Византией религиозного фактора в ведении политики, недостаточную изученность династической политики, применения регионального подхода к исследованию дипломатии без учета политических и социально-экономических условий в Византии, из-за чего остаются непонятными причины изменений византийской внешнеполитической стратегии [1, с. 60]. Изучение русской дипломатии усложняет отсутствие, как в предыдущих веках, зафиксированных договоров. Договоры, которые заключались между русскими правителями или с правителями соседних государств, даже когда они закреплялись крестным целованием, князья часто нарушали [21, с. 16].

Феодалная раздробленность также вносила сложности в дипломатическую коммуникацию. Русские князья уже не придерживались единого дипломатического курса. Как отметил Николай Котляр, «единству внешней и внутренней политики и дипломатической службы с середины XII в. наступил конец» [12, с. 80]. Византийские императоры должны были учитывать состояние междукняжеских отношений и занимать позицию одного правителя, автоматически становясь врагом другого. Дмитрий Оболенский удачно подметил, что, как только галицкий князь Ярослав Осмомысл начал выходить из-под византийского влияния, улучшились византийско-киевские отношения [20, с. 246]. Однако, чаще всего, византийцы старались держаться в стороне от внутренних русских усобиц и в случае конфликта прекращали контакты с обеими враждующими сторонами [15, с. 51]. Характерной чертой международной дипломатии того времени Владимир Пашуто назвал постепенное формирование провизантийской и провенгерской коалиций [21, с. 17].

Начало дипломатических отношений Византии с будущим Галицким княжеством ведут от 1104 г., когда дочь перемышльского князя Володаря была помолвлена с сыном императора Алексия Комнина [13, с. 270]. В историографии принято, что тогда был заключен договор между Константинополем и князьями Ростиславовичами, в котором оговаривалось дальнейшее сотрудничество. Владимир Грабовецкий считал, что отношения с Византией были заложены еще в конце XI в. Толчком к этому, по его мнению, была Перемышльская битва 1099 г., когда волынский князь Давид Игоревич вместе с венгерским королем Коломаном выступили против Ростиславовичей – Василька и Володаря. Следствием этого противостояния и должен был стать упомянутый династический брак [7, с. 41]. Александр Назаренко согласился с тем, что византийско-галицкий договор существовал еще со времен Алексия Комнина, что объясняет фразу о «родственнике и друге» в «Деяниях императора Фридриха I» Оттона Фрейзингенского [27, р. 364; 19, с. 176]. Среди причин, которые обусловили заключения этого союза, исследователь назвал посягательство киевского князя Святополка на владение Ростиславовичей, напряженные отношения с соседними Польшей и Венгрией [19, с. 176]. Возможно, это обусловило появление в историографии мнения о том, что византийско-галицкий договор был направлен против Венгрии в защиту

Ростиславовичей [19, с. 176]. Однако, во-первых, в то время совместное противостояние Византии и Галицкого княжества против Венгрии еще не было таким очевидным, и, во-вторых, как показал ход событий первой половины XII в., галицкие князья могли сами наладить отношения с Венгрией. Иногда предполагают, что этот договор декларировал право галицких князей распространять свою власть на нижнедунайские земли [19, с. 176], но в источниках прямого подтверждения этому нет.

Рассматривая ход событий первой половины XII в., можно найти объяснение появлению первой тенденции в историографии о том, почему Византия больше склонялась к союзу с Галицким княжеством. После захвата империей Тмутаракани и войны с Владимиром Мономахом на территории Нижнего Подунавья на протяжении 1116-1122 гг., отношения Византии с Киевом ухудшились [14, с. 352; 17, с. 281]. В середине XII в. Киевское княжество вместе с Венгерским королевством находилось во враждебной к империи коалиции. Церковные конфликты при назначении киевских митрополитов тоже не способствовали развитию отношений. Учитывая то, что Византия в течение XII в. четыре раза вела войну с Венгрией, налаженные отношений с соседним Галицким княжеством приобретали существенное значение и, кроме того, могли препятствовать киевско-венгерской кооперации [16, с. 209]. Геннадий Литаврин считал, что цель политики Византии заключалась в том, чтобы «привлечь Русь к борьбе со своими врагами и удержать ее от участия во вражеских империи коалициях» [16, с. 208]. Что касается политики Галицкого княжества, то по имеющимся в источниках сведениям нельзя утверждать о существовании определенной линии внешней политики Ростиславовичей к империи.

После смерти венгерского короля Гейзы II в 1162 г. мир Византии с венграми был нарушен и сближения Венгрии с Галицким княжеством беспокоило империю [8, с. 236-237; 11, с. 18; 29, р. 89]. Иоанн Киннам сообщал о пребывании притаврских скифов в армии венгерского короля Иштвана [28, р. 218]. Кроме того, соперник византийского императора за престол Андроник Комнин, который сбежал из тюрьмы, в 1164 г. нашел убежище в Галиче, где его дружелюбно принял Ярослав Осмомысл [9, с. 93]. Непродолжительное пребывание Андроника при галицком князе традиционно считают свидетельством того, что Константинополь и Галич восстановили отношения [11, с. 8-9; 10, с. 40]. Однако, принятие Андроника было дружеским жестом лишь к беглецу, учитывая, что тот приходился князю Ярославу двоюродным братом. Что касается императора Мануила, такие действия были нарушением взаимных договоров и, как показал Никита Хониат, василевс воспринимал их личным оскорблением [30, р. 132].

В связи с этим в 1165 г. состоялся первый известный обмен посольствами между Галичем и Константинополем. По Киевской летописи, целью посольства было возвращение Андроника в Византию («прислал царь двух митрополитов, призывая его [Андроника] к себе, Ярослав же отпустил к нему с большой честью, приставив к нему епископа своего Кузьму») [9, с. 93]. В отличие от русского источника, в труде византийского писателя Иоанна Киннама

упомянуто о взаимных договоренностях между галицким и византийским правителем. Сначала в хронике речь идет о прибытии к правителю тавроскифов (киевскому князю Ростиславу) Мануила из рода Комнинов, чтобы напомнить о предварительных условиях, заключенных с византийским императором, и упрекнуть за дружбу с галицким князем Ярославом, который нарушил договор с Византией и приютил Андроника [28, р. 232]. После подробного описания бегства Андроника из тюрьмы, Иоанн Киннам указал, что император Мануил послал два посольства – первое к какому-то «Примиславу», чтобы получить от него вспомогательную военную силу, и второе – к киевскому князю Ростиславу, с которым намеревался договариваться о союзной войне [28, р. 235]. И снова упомянуто князя Ярослава, к которому, как отметил летописец, приняты другие меры – отправлено письмо о нарушении договоров с Византией, подтвержденных клятвой галицкого князя. Ярослава Владимировича также отговаривали от союза с Иштваном Венгерским, который должен был быть скреплен династическим браком [28, р. 235].

Упоминание о Примиславе (Πριμισθαβος) создает впечатление, будто император направил на Русь три посольства, хотя князя Примислава идентифицировать по руским источникам не удастся. В описании этого сюжета князь Ярослав трижды упоминается как Ἰερόσθαβος. Однако, в сообщении о том, что Примислав прислушался к аргументам василевса, отказался от союза с пеонцами (венграми) и даже согласился помогать в войне против бывшего зятя, узнаем именно галицкого правителя [28, р. 235-236]. Византийские хронисты часто искажали имена русских князей, но непонятно, почему Иоанн Киннам, хорошо зная имя галицкого князя, дважды внес путаницу в свои рассказы, или же это дело рук копииста. Поэтому до сих пор одни исследователи отождествляли Примислава с Ярославом Владимировичем [3, с. 100], другие – с племянником киевского князя Ростислава – Мстиславом Изяславовичем [8, с. 330].

Другой современник событий – Никита Хониат также подробно рассказывает о побеге Андроника и несколько больше о его пребывании при Ярославе Осмомысле, но о возвращении Андроника в Византию как о результате дипломатической миссии не пишет [30, р. 129-132].

По мнению Ференца Макка, Мануил остерегался атаки Андроника совместно с венгерско-галицкими силами со стороны Нижнего Дуная [29, р. 96]. В Византии уже распространилась молва о возможном набеге куманов [30, р. 132]. Учитывая давние контакты Андроника с Венгрией, мнение Ф. Макка есть обоснованным.

Внимание исследователей привлекла также личность византийского представителя в посольстве – Мануила Комнина. Сергей Шестаков посвятил одну из своих работ исследованию этого вопроса, однако она недоступна для нас (Шестаков С. П. Византийский посол на Русь Мануил Комнин // Сборник в честь Д. А. Корсакова. – Казань, 1913. – С. 366–381). С. Шестаков считал, что посланником был сын Андроника Комнина, однако исследователи отвергают эту мысль, аргументируя, что тогда посольство не достигло бы поставленной цели – «нейтрализовать влияние Андроника» [24, с. 41].

Галицкий посол – епископ Кузьма, который вскоре прибыл в Константинополь, подтвердил союз с Византией [5, с. 12]. Не до конца понятно, что же побудило галицкого князя отойти от запланированного союза с Венгрией: пример киевского князя [8, с. 332] или новые, более выгодные договоренности с империей?

С середины 60-х годов и почти до конца XII в. есть несколько упоминаний о русских, и, в частности, галицких посольствах в Константинополе, однако они лишены конкретики. Солунский архиепископ Евстафий в своих произведениях и похвальных речах Мануилу Комнину с 70-х годов XII в. неоднократно писал о посещении русскими Константинополя, вспоминая о тех, которые живут за Истром (в Нижнем Подунавье), тех, кого овеивает только северный ветер, то есть «тавроскифов» (русских), и посольства архонта с «северных» по отношению к Венгрии земель [25, р. 418; 26, р. 40, 94-95]. По мнению Михаила Бибикова, речь шла о Галицком княжестве [2, с. 299-300].

Византийский писатель Михаил Хониат сообщает, что в 1185 г. в Константинополь прибыло посольство «скифа», под которым подразумевают галицкого князя [31, с. 323; 5, с. 14]. О результатах этого визита ничего не известно. Однако именно это время считают переломным в галицко-византийских отношениях. Убийство двоюродного брата князя Ярослава – Андроника и заключения династического союза Византии с Венгрией, по мнению исследователей, вылилось в поддержку галицким князем болгарских повстанцев путем блокирования Железных ворот, откуда против них могли выступить венгры [5, с. 14]. Об этом говорится в «Слове о полку Игореве»: «подпер горы венгерские своими железными полками, заступил королю путь, затворил Дунаю ворота» [23, с. 22].

В середине 80-х годов XII в. отношения Константинополя с Галичем прервались. Это было обусловлено восстановлением Второго Болгарского царства, активизацией кочевников в Нижнем Подунавье и началом борьбы за «галицкое наследство» после смерти Ярослава Осмомысла. Учитывая амбиции Византии в церковной сфере, большое значение для империи в это время приобрели отношения с Киевским княжеством [14, с. 351].

На рубеже XII–XIII вв. с ростом угрозы болгаро-куманского вторжения восстановления двусторонних отношений вновь приобрело актуальность для империи, поэтому император Алексей III принял решение просить помощи галицкого (уже галицко-волынского князя, хоть в византийских источниках он именуется как князь галицкий) князя Романа Мстиславовича [30, р. 522]. Дипломатическое посольство Твердыты Остромырича с еще несколькими послами прибыло в Константинополь в 1200 г. [22, с. 88-89]. Составитель «Книги паломника» Павел Савваитов, отталкиваясь от информации о походе князя Романа против половцев, который состоялся вскоре, считал, что посольство имело целью согласования действий правителей против половцев [22, с. 89]. Однако в описании посольства нет и намек на дипломатическую миссию.

В историографии уже принято, что походы против половцев Романа Мстиславовича были ответом на обращение василевса [11, с. 10; 18, с. 168]. Однако, по хронике Никиты Хониата, галицкий князь не слишком стремился помогать Византии. Его действия, которые, в конечном итоге, спасли Константинополь, были обусловлены просьбой киевского митрополита и являлись помощью единоверному народу [30, р. 522-523]. Фактически, это был единственный случай военной помощи галицкого князя Византии [17, с. 356-357]. Д. Оболенский предположил, что предоставленная помощь является свидетельством глубоко укорененной в Галицком княжестве традиции политической лояльности к Византии [20, с. 247]. По мнению Александра Головки, в 1200 г. русские дипломаты в Константинополе преследовали цель установить отношения нового Галицко-Волынского государства с Византией, а походы против кочевников были самостоятельным решением князя, независимым от договоренностей с империей [6, с. 440].

Часто исследователи обращают внимание на тот факт, что еще недавно Галич был на стороне болгарских повстанцев, а теперь помог Византии и выступал против болгар [20, с. 248; 2, с. 301]. Однако Роман Мстиславович и не стремился продолжать внешнеполитический курс Ростиславовичей. М. Бибииков, рассматривая сообщение Николая Месарита о том, что «участники мятежа Иоанна Комнина 1201 г. требовали, чтобы ромеев не побеждали ни «скифы», ни «болгарин», ни «тавроскифы», ни другие «варвары», предполагает, что во второй половине XII – на грани XIII в. могли происходить и руско-византийские военные столкновения [2, с. 301]. Поэтому можно согласиться с Леонтием Войтовичем, который назвал союз Византии с уже объединенным Галицко-Волынским государством «едва ли не наибольшим внешнеполитическим успехом династии Ангелов» [4, с. 39].

Таким образом, дипломатическое общение между Константинополем и Галичем не было налаженным. Нет данных о фиксации достигнутых договоренностей в договорах. Необходимо отметить, что в XII в. уменьшилось и количество сфер руско-византийского взаимодействия: с изменением векторов торговли исчезла потребность в былых привилегиях, стремительно сократился русский корпус. Поддержка Византией отношений с Галицким княжеством, как и с другими русскими княжествами, были обусловлены сугубо практическими соображениями, поэтому упомянутые дипломатические посольства направлялись на решение насущных проблем без обсуждения перспектив политического взаимодействия.

Антиполовецкая политика не была основным фактором отношений с Галичем. Совместный союз против Венгрии был нужен, прежде всего, Византии. Политика империи касательно Галицкого государства очень зависела от внешнеполитических обстоятельств. Византийцы пытались балансировать между Киевом и Галичем, поэтому дипломатические миссии направлялись параллельно в обе столицы, но, опасаясь образования враждебной коалиции, Византия сближалась с Галичем как более вероятным партнером.

Вопрос положения Галицкого княжества среди стран Византийского Содружества, статуса галицкого князя в отношениях с Византией, а также роли

Церкви в политических отношениях второй половины XII в., принимая во внимание многочисленные дискуссии в историографии, здесь не рассматриваются, поскольку требуют отдельного исследования.

Библиографический список

1. Бардола К. Ю. Основные проблемы изучения истории византийской дипломатии // Дриновський збірник. – Харків, Софія: Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова, 2012. – Т. 5. – С. 60.
2. Бибииков М. В. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников // Восточная Европа в древности и средневековье. – М.: Наука, 1978. – С. 296–301.
3. Бибииков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. I. – 736 с.
4. Войтович Л. В. Союз Візантії та Галицько-Волинської держави за династії Ангелів // Княжа доба: історія і культура. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2008. – Вип. 2. – С. 30–39.
5. Войтович Л. В. Перша галицька династія // Генеалогічні записки: Зб. наук. пр. – Львів: Українське геральдичне товариство, 2009. – Вип. 7. – С. 1–25.
6. Головка О. Б. Константинополь і Галич: проблема оцінки політичних взаємин наприкінці XII – на початку XIII ст. // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. – Кам'янець-Подільський: ПП «Медобори-2006», 2012. – Т. 22. – С. 430–444.
7. Грабовецький В. В. Галич – столиця Ростиславовичів і Романовичів у міжнародних взаєминах XII–XIII ст. // Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць. – К., Галич: Національний заповідник "Давній Галич", 1998. – С. 41–46.
8. Грот К. Изъ истории Угрии и славянства въ XII вѣкѣ (1141-1173). – Варшава: Типография Маріи Земкевичъ, 1889. – 503 с.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843. – Т. 2. – 379 с.
10. Кальницька Н. Вплив іноземних держав на міжкнязівську дипломатію Південної Русі в XI–XII століттях // Княжа доба: історія і культура. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2011. – Вип. 4. – С. 37–42.
11. Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь, Візантія і Угорщина XII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К.: Інститут історії України НАН України, 2000. – № 1. – С. 6–21.
12. Котляр М. Південно-Західна Русь в європейській політиці XII–XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К.: Інститут історії України НАН України, 2003. – № 3. – С. 79–100.
13. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1872. – 576 с.
14. Литаврин Г. Г. Русско-Византийские отношения в XI–XII вв. / История Византии: В 3 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 2. – С. 347–353.
15. Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII веке // Вопросы истории. – М., 1972. – № 7. – С. 36–52.
16. Литаврин Г. Г. Особенности русско-византийских отношений в XII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. – М.: Наука, 1974. – С. 208–212.
17. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – 398 с.

18. Майоров А. В. Рассказ Никиты Хониата о русско-византийском военном союзе в начале XIII века // Русские древности. Сборник научных статей. К 75-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. – СПб: Издательство СПбГУ, 2011. – С. 164–181.
19. Назаренко А. В. Первые контакты Штауфенов с Русью (к истории русско-немецких отношений в 30-е годы XII века) // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто / Под ред. Т. Н. Джексона и Е. А. Мельниковой. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 166–179.
20. Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / Перевод под ред. С. А. Иванова. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.
21. Пашуто В. Т. Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 6–25.
22. Путешествие Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концъ 12-го столѣтія / Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. И. Савваитова. – СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1872. – 202 с.
23. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М., Ленинград: АН СССР, 1950. – 563 с.
24. Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // Византийский временник. – М.: Наука, 1959. – Т. 16 (41). – С. 29–51.
25. Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula: accedunt Trapezuntinae historiae scriptores Panaretus et Eugenicus; e codicibus mss. Basileensi, Parisinis, Veneto / Ed. Th. Tafel. – Francofurti ad Moenum: Sumptibus Sigismundi Schmerber, 1832. – 418 p.
26. Eustathii Thessalonicensis Oratio ad Manuelem Imperatorem // Fontes Rerum Byzantarum: Rhetorum saeculi XII orationes politicae / Ed. W. E. Regel, N. Novossadsky. – Petropoli, 1917. – Т. 1, Fasc. 1. – S. 1–131.
27. Gesta Friderici I imperatoris auctoribus Ottone et Ragewino praeposito Frisingensibus // Monumenta Germaniae Historica / Ed. Georgius Heinricus Pertz. – Hannoverae, 1868. – Т. 20. – P. 338–496.
28. Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Rec. A. Meineke. – Bonnae: Weber, 1836. – Vol. 23. – 410 p.
29. Makk F. The Árpáds and the Comneni: political relations between Hungary and Byzantium in the 12th century / Translated in English by György Novák. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. – 217 p.
30. Nicetas Choniates. Historia // Corpus fontium historiae Byzantinae / Rec. I. A. van Dieten. – Berolini: Walter de Gruyter, 1975. – P. 1: Praefationem et textum continens. – Vol. XI, 1: Series Berolinensis. – 656 p.
31. Μιχαήλ Ακομινάτου του Χωνιάτου: τα σωζόμενα / Σπυρίδωνος Π. Λαμπρου. – Αθήνα: Τυπογραφείο Παρνασσού, 1879. – Τ. Α'. – 368 σ.